

лены из розового шифера, который добывался в Киевской земле, около города Овруча (древнего Вручого). Отсюда пряслица широко распространились по всей восточной Европе. В Рязани на таком пряслице находим надпись „Молодило“, в Новгороде — „Мартин“, в Вышгороде, поблизости от Киева, — „невесточье“, в Киеве — „Потворен пряслен“ и пр.¹ Существование надписей на пряслицах показывает, что письменность в данном случае была связана с широкими бытовыми потребностями. Надписи на пряслицах были именными, наподобие того, как это позже делалось с кольцами.

Еще более замечательными находками поразили нас новгородские раскопки, под руководством проф. А. В. Арциховского. Там, например, найдено было днище одной из бочек с четкой надписью XII—XIII века — „юрищина“. Бочка, следовательно, принадлежала какому-то Юрию или, по древнерусскому обычаю уменьшать или усиливать имя, „Юрищу“. На деревянной сапожной колодке для женской обуви встречаем надпись „Мнези“. Если это не является искажением какого-нибудь слова, то тогда это, повидимому, женское имя. Две надписи являются сокращениями имен, они сделаны на костяной стреле и на берестяном поплавке. Но, пожалуй, самая интересная находка — это открытие в Новгороде так называемого Иванского локтя.

Известно, что при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде существовало объединение купцов, торговавших воском. Привилегией этого купеческого объединения являлось право производить контроль над мерами веса и длины, употреблявшимися при торговых операциях. Для измерения тканей, очень дорогих в средневековое время, как, например, драгоценные фландрские сукна, употреблялся так называемый Иванский, или „Еваньский“, локоть, образец которого хранился при церкви Ивана Предтечи на Опоках. При раскопках на Ярославовом дворе в Новгороде был найден небольшой кусок дерева в виде обломанного аршина, на котором оказалась надпись „святого еванского...“.² Надпись, сделанная буквами XII—XIII веков, указывает, для какой цели употреблялся деревянный аршин, найденный на Ярославовом дворе, — это был Иванский локоть.

Уже новгородские находки показывают, что употребление письменности было весьма значительным в ремесленном и торговом быту, по крайней мере так можно сказать о Новгороде.

Применение письменности на предметах домашнего обихода, однако, не являлось только новгородской особенностью. Б. А. Рыбаков описал фрагмент корчаги, на которой сохранилась надпись. Большую часть ее ему удалось разобрать. Б. А. Рыбаков предполагает, что полностью надпись читалась так: „благодатнеша плона корчага си“. Слова „неша плона корчага си“ полностью сохранились на остатках этого сосуда, найденного в старой части Киева при земляных работах.³ О такой же, только более обширной, надписи на обломке большого горшка, в котором хранилось вино, сообщает А. Л. Монгайт. По краю этого сосуда, найденного в Старой Рязани, начертана надпись буквами XII или начала XIII века. В. Д. Блаватский обнаружил фрагмент сосуда из

¹ А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е, переработ. и дополн., М., 1947, стр. 178.

² А. В. Арциховский. Новгород Великий по археологическим данным. Вестник Академии Наук СССР, № 3, 1948.

³ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, XII, 1946, стр. 134—138.